

БЕЗРОГОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук,
главный научный сотрудник ФГБНУ
«Институт стратегии развития
образования».

E-mail: bezrogov@mail.ru

ПИЧУГИНА ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

Доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики ФГБОУ
ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет».

E-mail: Pichugina_V@mail.ru

УДК 130.2

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ «ЗАБОТЫ О СЕБЕ» В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ ДОПОЛНЕНИЯ ФУКО)¹

Аннотация. Предпринята попытка в самом общем виде наметить и охарактеризовать восемь этапов в развитии представлений о принципе заботы о себе в западной культурной традиции: 1) этап завершения периода расцвета древнегреческого полиса; 2) этап римского эллинизма; 3) раннее христианство; 4) рождение индивида (XII–XIV вв.); 5) антропологический поворот раннего Модерна; 6) рационалистический

¹ Работа над статьей поддержана грантом РГНФ 14-06-00315а.

поворот среднего Модерна; 7) социальный этап позднего Модерна (XIX – первая половина XX века); 8) персоналистский акцент постмодерна (вторая половина XX – начало XXI века).

Ключевые слова: забота о себе, практики заботы о себе, Фуко, образование индивида.

© Безрогов В. Г., Пичугина В. К. 2017

**Bezrogov G. Vitaly
Victoria K. Pichugina**

**THE EVOLUTION OF THE IDEA OF CARE FOR THE SELF
IN THE WESTERN CULTURAL TRADITION
(THE UNBEARABLE LIGHTNESS OF ADDITIONS
TO FOUCAULT)**

Abstract. An attempt was made to identify and describe the eight stages in the development of ideas about the principle of care of the self in the Western cultural tradition: 1) the stage of the Greek polis; 2) the stage of Roman Hellenism; 3) early Christianity; 4) the birth of the individual (12th-14th centuries); 5) the anthropological turn of early Modern times; 6) the rationalistic turn of middle Modern period (17th-18th centuries); 7) social stage of late Modernity (19th – first half of the 20th century); 8) a personalist focus of the postmodern era (second half of the 20th – beginning of the 21st century).

Keywords: care for the self, practices of care for the self, Foucault, adult education

*Никому не стать, каким он хочет быть,
если не ненавидеть себя, каков есть.*

Франческо Петрарка
(Ep. fam. XXIV, 1)

Проблемы самореализации, самовоспитания, выбора жизненных целей и ценностей являются в науках о человеке одними из самых актуальных, как в теоретическом аспекте, так и в прикладном плане. При решении этих проблем центральным вопросом является понимание «заботы о себе»², найденной и акцентуированной М. Фуко в античной культуре. В современном научном тезаурусе «забота о себе» маркируется как идея, феномен, дискурс, концепт, концепция, принцип, практика или техника [Смирнов 2015: 39–65]. Не останавливаясь подробно на дефинитивной неоднородности, подчеркнём, что она во многом является результатом слабой изученности влияния, которое «забота о себе» оказала на западную культурную традицию. Одна из самых ярких попыток такого изучения в конце XX в. была предпринята М. Фуко [Фуко 2007]. Он выдвинул идею о том, что поворотные точки в развитии западной культуры индивида как самого себя становятся «видимыми», если, в частности, избежать стремления

² В древнегреческих текстах чаще всего встречается формулировка «ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ», а в древнеримских текстах не существовало устоявшегося словосочетания «забота о себе». У разных авторов присутствуют разные терминологические модификации, близкие к «cura sui».

соотнести тот или иной период в её развитии с системой отношений, которая существует между учителем и учеником, в ущерб системе отношений, которую ученик выстраивает с самим собой. Исходя из того, что непрерывность истории связана не с «калейдоскопом отношений», а с отношением субъекта к самому себе, он определил «заботу о себе» как особый феномен, возникший в античности и во многом определивший развитие западной педагогической мысли. В работах М. Фуко обозначено новое направление исследований, предполагающее историко-педагогическую концептуализацию феномена «заботы о себе». Однако, это обозначение пока не привлекло специального исследовательского внимания. Равно как не привлекло и то, что определения, данные М. Фуко понятию «забота о себе», включали и взаимоисключали друг друга в плоскостях разных знаний (педагогического, психологического, медицинского и т. д.).

Выражаясь метафорически, М. Фуко открыл «заботу о себе» для исследователей как некий ящик Пандоры, после чего настало время отнюдь не простого генерирования теории технологий себя и попыток соединить в ней образы античной, средневековой и современной заботы о себе как помощи себе и другим [Хархордин 2009: 41]. Стало ясно, что забота как воспитание, возделывание, излечение, помощь, руководство, надзор, назидание, преобразование, совершенствование, обязанность, проклятье, долг, ноша, превозможение, перестройка, поддержание, сохранение, культивирование, поклонение, порицание, ответственность, опора, преобразование, строительство, созидание и многое другое – в немалой доле способна отразить многообразие исторически-конкретного человеческого опыта. Тексты разных эпох и культур о заботе одного индивида о другом, включая себя самого, содержат рекомендации по построению себя на различных путях работы с собой и помощи другим, но сравнение и, тем более, ранжирование этих рекомендаций является многосложной исследовательской задачей.

В рамках данной статьи нами предпринята амбициозная и во многом спорная попытка ответить на вопрос: можно ли в самом общем виде наметить основные этапы в развитии и эволюции представлений о принципе заботы о себе в истории западной культуры становления самого себя и, в итоге, взять на себя, по сути, невыносимую легкость дополнения к уже намеченным Фуко некоторым историческим периодам в развитии идеи заботы о себе?³

Авторы в полной мере осознают недостижимость поставленной задачи и просят рассматривать дальнейший текст в жанре гипотетической игры, в правила которой входит и представление его уничтожающей критике со стороны читателя, имеющего полное право предложить иное число этапов в истории идеи или идей заботы индивида о самом себе сформулированным по-другому содержанием каждого из них.

1. Этап завершения периода расцвета древнегреческого полиса: эпимелейя как условие политейи.

³ В российской науке первую, также весьма спорную (как и наша) попытку такого рода предпринял А. Е. Соловьев (Историко-философский анализ феномена «заботы о себе». Дис ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006). Мы учитываем предложенную данным автором схему, но не следуем ей, в том числе, в связи с отсутствием в ней континуальности и применением к анализу одних исторических периодов материалов и текстов, порожденных другими периодами в истории рассматриваемой идеи.

Становление древнегреческой философии, философа как носителя осмысляющей саму себя культуры в условиях проблематизации отношения гражданина и города рождает в диалогическом дискурсе об идентичности особую тему. Этот первый этап рефлексии по поводу заботы о себе характеризуется обострением отношений между политом и полисом [Пичугина 2015: 86–99], которое создаёт поле обоюдного «заботливого» напряжения: (не)отчужденность граждан от забот города подкреплялась (не)отчужденностью города от забот граждан. Возникает двойственность концептуализации психического, концептуализации личности полита в «политической теории души» [Романов 2001: 132]. У Сократа и его учеников нашла отражение идея о том, что основу полиса должны составлять заботящиеся о себе образованные граждане, обладающие более широкими полномочиями в его управлении, чем просто образованные граждане. В таком случае, «забота о себе» оказывалась индикатором степени реализованности образовательных и личностных возможностей, обеспечивающих возможности политические и хозяйственные, и подрывала мировоззренческие устои, поскольку, несмотря на индивидуальные различия, для граждан демократического полиса равенство не только в политической сфере, но и в сфере доступа к образованию, полагалось нормой. Сократ, в свою очередь, подчеркивал, что «забота о себе» агонистична по своей природе. Равенство образовательных возможностей для него не исключало того, что можно и нужно соревноваться в образовательном успехе и доказывать свое превосходство в политической сфере. Именно об этом идёт речь в диалоге Платона «Алкивиад I», где Сократ задаёт афинскому государственному деятелю и полководцу Алкивиаду вопрос: «Однако, что ты собираешься делать с самим собою? Остаться таким, каков ты есть, или проявить о себе некоторую заботу?» [Платон 1986: 197]. Запутавшийся в ответах Алкивиад, оказывается в плену не только собственных политических амбиций, но и педагогических амбиций Сократа, предлагающего себя в роли наставника в «заботе о себе».

На первый взгляд, «забота о себе», о которой пишут Исократ, Ксенофонт, Платон и многие другие древнегреческие авторы, предполагает образовательную активность для восстановления гармонии с целостным социумом. Истоки познания себя как начала заботы о себе восходят к дельфийской надписи «познай самого себя», которая имеет множество трактовок, одна из которых – «пойми, что тебе нужно, и действуй». Однако речь, всё же, шла не столько о гармоничности, сколько о более или менее приемлемом балансе между частными и общими интересами. Подтверждением тому является заботившийся о себе Алкивиад, всю жизнь соперничавший не только с политическими союзниками или противниками, но и с самим собой. Плутарх справедливо заметил, что «двух Алкивиадов Греция не вынесла бы» [Плутарх 1994: 252], тем самым косвенно подчеркнув, что этот «продукт» педагогики «заботы о себе» до предела обострил отношения между политами и полисом.

2. Этап римского эллинизма: эпимелейя как жизнь вне политейи.

На этом этапе происходит складывание идеи заботы о себе как пути достижения независимости от обстоятельств, как внутренних упражнений и практик тела и души в направлении их иерархической целостности и мудрого ею распоряжения. Забота о себе рассматривается как работа над собой, как упражнение (аскеза) в отношении самого себя. Возможно, одной из ключевых

фигур этого этапа можно было бы считать Эпиктета [Эпиктет 2012]. Бывший раб, получивший свободу и ставший наставником в «заботе о себе», Эпиктет, характеризуя образованного человека, указывает на то, он не должен поддаваться чужим мнениям, которые «даже женщинам не пристали», и быть рабом по статусу или по сути. Проповедуя идеи «заботы о себе» в Риме и Никополе, Эпиктет приобщал к ним по возможности всех желающих, однако среди учеников его школы рабов и женщин не было.

Немногочисленные тексты Эпиктета представляют собой записи ключевых моментов его бесед с учениками на заданные темы. Одной из таких тем неоднократно была тема «заботы о себе» в понимании Сократа. Анализируя диалог Платона «Алкивиад», Эпиктет подчеркивал, что не стоит слишком «ревностно» призывать людей к заботе о себе, как это делал Сократ. Значительную часть беседы «О придании красоты внешнему виду» Эпиктет посвятил рассуждению о том, каким образом Сократ реализовывал на практике свои представления о «заботе о себе». В итоге Эпиктетом был сделан следующий вывод: если даже такому мудрому и почитаемому в городе человеку не удалось убедить заботиться о себе «даже тысячной части» из тех, кому он это предлагал, то для современных Эпиктету наставников проявление излишней назойливости просто небезопасно. Указав на свой опыт, Эпиктет предостерегал наставников от того, что в ответ на предложение позаботиться о себе, потенциальные ученики могут наглубить или даже избить. Тем самым он подчеркивал, что к желанию заботиться о себе как жизненной практике человек должен прийти сам, и постоянного активного вмешательства извне не требуется.

По Эпиктету, человек может выстроить свою жизнь одним из двух способов: заботиться о многом (имуществе, друзьях, близких, рабах) и постоянно отвлекаться от заботы о самом себе или, напротив, сосредоточиться на себе и по мере возможности отказаться от других забот. Употребляя понятие «забота о себе», Эпиктет подчеркивал, что её следует осуществлять как одарённым (на кого ориентировался Сократ), так и неодарённым. То, что первые преуспеют в добродетели больше – не повод для вторых отказываться от «заботы о себе». В «Энхиридионе» Эпиктет не просто подчеркнул значимость заботы о самом себе («покажи, что не заботишься ни о чём, кроме самого себя»), но и в логике Сократа указал на её агональную природу: «И если тебе предстоит нечто приятное или трудное, славное или бесславное, помни, что настал час твоего состязания, начались Олимпийские игры, и уже нельзя ничего откладывать, и что в один день успех либо гибнет, либо обретается» [Эпиктет 2012: 73; 82]. Логика реализации «заботы о себе» Эпиктета была близка к логике Сократа и подразумевала осознанный выбор между «внешним» и «внутренним». В отличие от «афинского овода», который считал отправной точкой для «заботы о себе» внешний импульс в лице наставника, римский учитель Эпиктет говорил слушателям о внутреннем импульсе, не столько социальном, сколько приватном. Наставник призван способствовать тому, чтобы этот импульс со временем не угас в ученике.

3. Раннее христианство: эпимелей как спасение души.

Этот этап характеризуется возникновением представления о недостаточности усилий самого человека в заботе о самом себе, о необходимости обретения трансцендентных и социальных помощников для выхода и поддержки на

пути к истинному себе. Ключевая фигура данного этапа – Аврелий Августин, в сочинениях которого возникает идея недостаточности только себя для правильной (праведной) заботы о себе. Августин отрицал античное понимание человека, в основе которого лежал перенос человеческих свойств на богов, а не божественных на человека. Но он, как и Сократ, считал, что пути постижения божественного затруднены тем, что человек не стремится познать самого себя, не способен возвышаться над чувствами, «сосредоточивать душу и удерживать ее саму себе» (*animum in seipsum colligendi atque in seipso retinendi, De ordine. I.1.3*) [Августин 2000б: 115]. Забота о себе как по мере сил своих превышающая земного себя формулируется условием доступа к вечной жизни и потому основой образа жизни истинного христианина.

В одном из писем Августин пишет о том, что мы – то, что мы есть, если верно заботимся о себе (*«si curae nobismet ipsis sumus»*) (Aug. Epist. A. D. 386^{1er. Ep. 2}). В трактате о «О книге Бытия» он указал на то, что душа «оживляет всё и всем управляет, и этим заботится о теле и о той жизни, в которой человек стал «душою живою», и предостерегал от таких «забот о самих себе», которые осуществляются с корыстными целями и связаны не с добродетелью, а с эгоистическими устремлениями [Августин 2000а: 485]⁴. Августин указал на то, что софисты, Платон, Пифагор и другие «языческие мудрецы» понимали, что существует много такого, чему можно научиться, просто слушая и подражая тому, кто умеет делать это хорошо. Если увлечь ученика, он неизбежно будет подражать наставнику в истолковании Священного Писания и уяснит педагогическое содержание понятий «воздержание», «покорность», «почтение», «смирение» и «великодушие». Необходимость «заботы о себе», с точки зрения Августина, обусловлена тем, что душа «повреждена» и не может сделать правильный выбор между двумя стратегиями «любви к себе». Первая стратегия связана с тем, что человек стремится «управлять самим собою и телом своим», присваивая функции, которые принадлежат Богу, и такая «любовь к себе» сродни ненависти («любовь к себе, доведенная до презрения к Богу»). Вторая стратегия связана с укрощением тела и освобождением его от страстей и пороков и реализуется человеком, чтобы примирить «духовное» и «телесное» на основе примата первого над вторым («любовь к себе, доведенная до презрения к себе как к греховному существу»). Августин не забывает, но преобразует логику Пифагора и Эпикура. «Забота о себе» у него – искусно подобранное наставником лекарство, «врачующее многоразличные болезни души человеческой» через мудрость, которая зафиксирована в Священном Писании. Такая «забота о себе» близка к пониманию Оригена: оружие, обращенное человеком на свои грехи, слабости, пороки, страдания. «Надо вооружить и укрепить человека – он слаб – против искушений и соблазнов...» (Aug. De catech. rud. VIII.1) [Августин 2002: 160].

В целом, Августин «заботу о себе» полагает движением к кардинально новому «я», близкому к обращению в истинную веру, совлечению с себя языческих ветхих «одежд» и одеванию новых – преобразованию в истинного нового человека, христианина [Безрогов 2015: 99–111]. От наставника требовалось

⁴ «Sed anima in istis tamquam in organis agit; nihil horum est ipsa: sed vivificat et regit omnia, et per haec corpori consulit, et huic vitae, in qua factus est homo in animam vivam», Augustinus. De Genesi ad litteram libri duodecim, VII.18.24 (PL 34).

раскрыть в человеке заложенную в него и постоянно его поддерживающую божественную мудрость, а от ученика – строго соблюдать христианские заповеди, иначе эта истинная мудрость заботы о самом себе окажется для него непостижима.

4. Рождение индивида, фрагментарного себя вне цельного мира: эпимелей как возможность себя.

На этом этапе происходит понимания границ самого себя. Забота о себе становится важна как путь или способ, условие встречи с самим собой, с истинным собой, с лучшим или цельным собой, с очищенным от грехов и несовершенств собой и т. д. Забота выступает как условие созерцания себя, своей природы, степени отклонения от неё и (не)возможностей вернуться к самому себе, позаботившись о себе самом. Изменить себя согласно увиденной истине о самом себе – такова интенция четвертого этапа [Родионовская 2013: 239–246]. Это вторичное после Античности возникновение ощущения само/одно-стояния себя в мире и самостоятельной работы с/над собой. Забота о себе вновь, но иначе, становится упражнением по совершенствованию души. Приучение себя к преодолению самоискажений, к спокойному восприятию неизбежного (время, смерть и т. д.), к тонкой и тяжелой работе по отделению первых от второго, готовности ко второму и преодолению первых – становится частью позднесредневековой, предренессансной работы над собой, выработки различных путей, ведущих к достижению такого разделения и самопреодоления. Индивид снова возникает один в зеркале перед самим собой: жизнь как активное странствие во времени и вечности заботы о себе. Из третьего этапа в четвертый приходит помощь социального окружения в заботе о себе – реального либо воображаемого: ««живи так, словно живёшь на народе, делай всё так, словно на тебя все смотрят, думай так, словно твои мысли можно видеть насквозь, считай, что твой дом — народный театр, твое сердце — божий храм» (Petrarca. *Epistolae familiares*. XIV.1).

Процесс «перезапуска» тезиса о важности активной заботы о себе, самотрансформации, занял период примерно с XII по XIV века⁵. Франческо Петрарка сформулировал идею заботы о себе как пути к добродетельному себе с помощью присущих своей личности вневременных качеств и того, к чему ты призван, в том числе своим делом, призванием, профессией. Главное дело жизни имеет неизбежные пределы работы по преодолению несовершенства самого себя, и даже внутри этого дела может содержаться источник препятствий к достижимости встречи с истинным, праведным, совершенным по-Божески самим собой. И тогда становится предметом обсуждения (не)возможность достичь управляемости самим собой, найти подлинного себя в складках времени и позаботиться о результате доступа к истине о самом себе. Профессиональный идеал в заботе о себе и совершенство души как высшая цель такой заботы не всегда соотносимы и объединимы. И в то же время рождается идея о благочестивом выражении себя как такового, в связи и не в связи с делом, к которому тебя призвал Господь; о высказывании себя как трудном, но благодатном пути к истинной заботе о себе, в том числе, через биографический рассказ о себе; о поисках себя между призванием души, призванием жизни и

⁵ Об этом процессе и фигуре Петрарки в нем см. [Morris 1972; Zak 2010].

призванием своего дела, о заботе по их верному соединению. «Забота о душе требует философа, совершенство языка свойственно оратору; ни душою, ни словом мы не должны пренебрегать. ...Ибо и слово – первое зеркало духа, и дух – не последний водитель слова. Они завяжут друг от друга... хотя, конечно, где позаботились о духе, слово не останется в небрежении, равно как, наоборот, слову не придашь достоинства, если не сохранит свое величие дух» (Petrarca. Epist.fam.I, 9) (цит. по: [Родионовская 2013: 244]). Добродетельный, собственный, истинный ты сам есть путь тройной заботы о себе, триалого эпимелей как её сущностной эволюции на пути усложнения индивидуного и индивидуального «я». Создание себя, правильный результат работы над собой – перемена ума и души в процессе синтеза Бога, труда, своей индивидуности. Неподлинность себя, пределы видения собственного блага осмысливаются как пределы достижимой заботы о самом себе. Возможная невозможность заботы о себе Средневековья (мистика) постепенно меняется на невозможную (пока) возможность заботы о себе (например, через поэзию, как у того же Петрарки). Возрождение добавит идею утраченного, далекого, стёртого и возобновляемого в своей недостижимости идеала как вечно чаемого и временами приближаемого предела в заботе о себе идущего «путём древних», *via antiqua*. Идея реального себя как степени приближения в результате работы над собой к идеальному себе актуализируется на данном этапе. Поэтому биографическая работа, описание собственной жизни⁶ становилось формой заботы о самом себе, и Петрарка теряет в догадках, назвать ли своё повествование «выдумкой/мифом (*fabula*) или историей (*historia*)» (Petr. Fam. 19.3.16).

5. Антропологический поворот раннего Модерна: эпимелей как ценность всего себя.

Биографическая работа переводит осмысление заботы о себе на следующий этап эволюции, характерный становлением внимания к самому себе во всех своих проявлениях – от физиологических до духовных. «С самого раннего возраста я утвердился в решении заботиться об устройении своей жизни», – пишет один из наиболее знаковых для данного этапа авторов – Джироламо Кардано [Кардано 2012]. Здесь важно акцентирование рефлексии на работу внешних пяти чувств, на идее правильного, достойного, счастливого, единого существования как результата верной заботы о себе. Не заботящийся о себе обречён на тот или иной вид несуществования. Забота о себе связана прежде всего с существованием, а не с бытием. Объективный человек как предмет заботы делает «медико-антропологический анализ собственной индивидуальности» центром внимания в дискурсе такого типа заботы о себе [Кон 1984: 119]. Ключевая фигура, как мы уже сказали, врач и натурфилософ, инженер, математик и астролог Джироламо Кардано. Время – XVI столетие. Написанная на склоне лет, автобиография Кардано может быть рассмотрена в качестве основного текста пятого периода. Джироламо тщательнейшим и подробнейшим образом описывает самого себя и свою жизнь. Внимание ко всем деталям наружности вплоть до размеров и месторасположения родинок

⁶ В 1356 году Карл IV, император Священной Римской империи и король Чехии, попросил Петрарку описать всю его (Франческо) жизнь «по порядку от момента рождения до сегодняшнего дня» (Petr. Fam. 19.3.16).

и прыщиков, особенностям частей тела, к их виду в здоровье и нездоровье, полный перечень болезней, привычек, подробный отчет в еде и её рационе, в нравах, увлечениях, пороках, заблуждениях и т. д. замыкает заботу о себе на внимательности к рассматриванию и «сканированию» себя как такового, во всех деталях и их существовании во времени земной жизни. Забота о себе на этом этапе эволюции понятия – это забота о единичном как таковом. Объектом заботы о себе становится целостный человек, в котором нет раздражающих его противоречий, но каждая деталь конкретного облика и поведения оказывается на месте и требует внимательности к самой себе, заботы об этой части великого антропологического (и антропокосмического) целого. Возведённый в принцип антропологизм эпохи обеспечивает и возвышение заботы о себе, её многомерность и систематичность, но также приводит и к кризису подобного понимания заботы как лишь о «тутошнем себе» во всех прыщиках и раздутых в своей значимости особенностях себя именно как себя вне иерархической оценки этих особенностей. «Гиганты» и «титаны» Возрождения оказываются гигантами и титанами не только добра и позитивного развития человеческой природы, но и тиранами зла, разворачивавшими и развивавшими тёмные стороны человеческой природы и заботы о ней как о демоническом начале. Превышавшая социальную добропорядочность и гуманность, забота о самом себе окрасила эпоху позднего Возрождения (или раннего Модерна) в мрачные тона. Один из выходов был найден в протестантизме – в приближении Бога к самому себе (наподобие ранних христианских апологетов) и рациональной заботе о призванном Богом себе как управляющем самим собою ради оправдания такой призванности [Безрогов 2016: 51–60].

6. Рационалистический поворот среднего Модерна: эпимелей как условие разумного себя.

XVII-XVIII вв. Усмирение себя и «врачевание (излечение, медицина) самого себя» становится разумной работой над собой, своего рода, «медициной разума», врачеванием, (из)лечением ума. Не мановением судьбы, но воплощением в человеке разумного начала. Заботящийся о себе разумен, а не разумен тот, кто не заботится, не осмысляет себя и не действует в связи с таким осмыслением и пониманием. Забота о себе есть усовершенствование в себе разумного начала, которое понимает и выстраивает мир и самого себя в нём. «Я осмысляю себя – следовательно, я забочусь о себе». Диалог души с самой собою преобразуется в диалог её разумной части, разума с самим собой [Романов 2001: 126]. Рассуждение, «рассудочность» становится главной характеристикой заботы о себе. (Рас)суждения о себе выстраиваются в систему аксиом/теорем/тезисов себя, которая из заботы о себе делает моделирование себя в качестве этической теории мыслящего себя субъекта. Рассудок предлагает такую теорию себя в качестве модели заботы антропоса о самом себе. Теория этики предстает теорией заботы человека о себе и других подобных самому себе.

Мышление себя мыслимым (cogitabilis), разговор со своим рассудком, медитативное наблюдение себя разумом есть забота о себе. Человек как разумное существо не может утратить заботу о самом себе, пока в нём присутствует и работает разум. Теоретизирование себя предстаёт важной частью заботы о себе, как забота о себе по внушению разума, познанию себя как очевидности. Мышление становится самой заботой: я осмысляю себя, – следовательно, я

о себе забочусь. Упражнение себя переносится в мышление, как о себе, так и не только о себе: в том числе виды заботы о себе как забвения себя в познании предлежащего себе мира. Формируется идея заботы о себе как разумного пути к очевидной этике просвещенного себя. Забота о себе становится способом управления собой либо свободой от такого управления (либертинаж). Знаковая фигура этого этапа – Барух Спиноза («Об усовершенствовании разума»). Рационализация заботы о себе включает и наблюдение за психологией себя как личности; образ врачующего воззрением на самого себя здравомыслящего разума; видящего и по-разному обращающегося с самостью, лицом, личностью, индивидом, самоотождественностью и другими интегральными целостностями самого себя. Забота о самом себе под надзором самого себя предстаёт путём *ratio*, доминирующего в ландшафте человеческого ума и самопознания, выстраивавшего практику на основе теории разумного опыта.

7. Переход к сознательной заботе о таком себе во всем объеме общественных связей: эпимелейя как условие социального бытия.

XIX – первая половина XX века демонстрируют социальный акцент в понимании заботы о себе периода позднего Модерна. Этот этап может быть охарактеризован как этап, на котором человек превратился в социальную цель. Забота о себе стала рассматриваться как базовое для существования социума онтологическое качество человеческой природы. Социальная физика Просвещения становится социальной этикой и социально-философской антропологией. Благотворительность от конфессиональных и частных инициатив медленно и трудно, но поднимается до уровня государственной социальной политики. В середине XIX века появляется термин «социальное государство», утверждается идея общеинституциональной заботы о гражданах помимо различных филантропических фондов, церковных и частных инициатив [Евстратов 2006; Чикалова 2006]. В 1870-х – 1910-х годах вводится обязательное социальное и медицинское страхование во многих европейских странах. Между защитой граждан и заботой о них прокладываются важные содержательные пути. Второй этап осуществления систем заботы/защиты граждан от бедности, болезней и несчастных случаев прошел в 1930-е – 1960-е годы XX века. Вопрос об уровне и степени заботы кооперированных граждан государства о других гражданах этого государства, включая их самих, становится одним из центральных. Он же и порождает проблематику существования в такой системе каждого конкретного человека. Бытие и существование входят в сложный и противоречивый диалог друг с другом. Возможности личности к самоосуществлению в такого рода среде приобретают качественно иной спектр и создают условия для особенно напряженного осмысления проблематики заботы человека о самом себе, условия, подготавливавшие переход к восьмому периоду в развитии этой идеи [Тульчинский 2010: 49–63].

Возможно, ключевой фигурой второй части седьмого периода в развитии идеологии заботы человека о самом себе можно было бы назвать Мартина Хайдеггера, философско-этические работы которого позволили связать социальную заботу о себе с человеческим бытием, перевести центр внимания с событийности заботы на её бытие в онтологическом и экзистенциальном планах. М. Хайдеггер в ряде работ («Что такое метафизика?» (1929 г.), «Послесловие к: «Что такое метафизика?» (1943 г.), «Письмо о гуманизме» (1946 г.) и др.) указал

на то, что существование человека во внешнем мире обусловлено измерениями его внутреннего мира, которые пронизаны особым отношением («заботой») к окружающей реальности и значимости языкового присутствия в ней. По его мнению, все требования к человеку продиктованы ключевой «заботой» – заботой о возвращении человека его существу. Хайдеггер конкретизировал понятие «забота» в аспекте исключительной значимости рефлексии самого себя и её экспрессии в языке: «Без слова любому действию не хватает того измерения, в котором оно могло бы найти себя и оказать воздействие» [Хайдеггер 1993: 254].

8. Персоналистский акцент постмодерна: эпимелейя как условие метарефлексии над практиками себя.

Вторая половина XX – начало XXI века ознаменовала появление нового уровня рефлексии на тему заботы о себе – при том, что седьмой период ещё не был завершён. Забота о себе становится заботой об истории себя, истории рассмотрения разных подходов в осуществлении заботы индивида о самом себе, проходящем в том или ином социальном, организационном, институциональном и прочих контекстах. Ключевая фигура данного этапа – М. Фуко, в работах которого была раскрыта сущность «заботы о себе» как феномена, возникшего в рамках античной культуры и продолженного после её разрушения («Герменевтика субъекта», «Технологии себя», «Управление собой и другими» и др.). В «Герменевтике субъекта» М. Фуко подчеркивает, что первые попытки осмысления феномена «заботы о себе» были предприняты мыслителями Древней Греции и обращается к анализу диалога Платона «Алкивиад I», где Сократ предлагает Алкивиаду стать его наставником и явить ему образец заботы о себе. Несмотря на спорность выводов и не всегда корректное обращение к источникам, Фуко пробует проследить развитие представлений о «заботе о себе» на протяжении достаточно длительного хронологического периода. Он выделяет ключевые идеи в понимании «заботы о себе», указывает, кем, как и когда в дальнейшем они повторялись, и старается объяснить, почему, будучи по-разному интерпретирована, «забота о себе» несколько веков оставалась ведущим антропологическим ориентиром античности. По его мнению, «забота о себе» – это *принцип*, преобладавший «в греческом, эллинистическом и римском образе мысли», в основу которого было положено особое отношение к себе в целом, погружение в мысль о себе и проявление внутренней и внешней активности. Впрочем, М. Фуко в достаточной мере не эксплицировал, что «забота о себе» являлась принципом, положенным в основу античного образования взрослого человека.

В «Археологии знания» М. Фуко, выделив шесть автономных периодов истории, среди которых особое место заняла античность, указал на то, что в каждом из них существует «концептуальная система» особой организации. Обозначив «антропологические концепты», философ указал на то, что их выявление, упорядочивание и объединение в концептуальные схемы позволяет отразить специфику западной системы образования в целом. М. Фуко подчеркивает, что раскрывая сущность своего метода исторического анализа, он пытался «избавиться от всякой антропологической зависимости и, вместе с тем, понять принципы формирования такой зависимости» [Фуко 1996: 17–18]. Наряду с уникальными концептами («концептами прерывности»), которые характеризуют человека в образовательном пространстве каждого из шести выделенных

Фуко периодов истории, им были обозначены универсальные концепты («постоянные и устойчивые концепты»), раскрывающие специфику образовательного пространства в целом («концепт субъекта», «концепт суждения», «концепт слова» и др.). Обозначив необходимость разработки новой историко-педагогической периодизации, М. Фуко сделал парадоксальный вывод о том, что нет необходимости говорить о каждом конкретном антропологическом концепте, поскольку много важнее осмыслить условия их возникновения. Несмотря на то, что в работах М. Фуко значительное место уделено сопоставлению представлений о человеке в его истории с представлениями о «заботе о себе» того или иного периода истории западной системы образования, в них не было эксплицировано то, что «забота о себе» конкретизируется через определенную концептуальную схему. Отдельные концепты Фуко в силу их связи не столько с прошлой эпохой, но и современностью (как личным, так и социальным опытом) с трудом, с большими оговорками и коррективами могут быть интегрированы в единую теоретическую схему понимания истории западной цивилизации в целом и истории западной системы образования, в частности.

Вместе с тем, концептуальная схема, на основе которой «забота о себе» конкретизировалась в античной педагогической мысли, «проступает» у М. Фуко достаточно ясно. По его мнению, «забота о самом себе» имеет три аспекта: во-первых, это некая общая установка на себя, своё поведение и отношение к другому человеку, во-вторых, это особая форма рефлексии, подразумевающая постоянное переключение внимания с внешнего мира на свой внутренний мир, в-третьих, это последовательность действий по преобразованию самого себя, некие техники конструирования субъектности [Фуко 2007: 23]. В логике М. Фуко, первый аспект у античных мыслителей раскрыт следующим образом: предметом неусыпного внимания того, кто претендует на статус образованного человека, должно быть его тело и душа. Забота о душе и забота о теле делают человека менее уязвимым к страстям и порокам, а, следовательно, более восприимчивым к образованию. Второй аспект был связан с тем, что осуществлять заботу о себе приходилось в пространстве города, который мог как помогать, так и препятствовать своим жителям осуществлять длительную сознательную работу над собой. Третий аспект был связан с тем, что только наставник способен научить ученика самостоятельно выстраивать образовательные стратегии в контексте жизненных стратегий. Окончив школу, молодой человек, желающий не просто жить по законам государства, но и управлять им, должен был научиться заботиться о себе. Наставник появлялся в жизни человека после учителя на определенный период времени и брал на себя обязательство дать образец «заботы о себе».

Очевидно, что М. Фуко не дал полной историко-педагогической концептуализации феномена «заботы о себе». Однако, именно в его работах было обозначено то, каким образом можно осуществить генерализацию историко-педагогического знания, выявляя универсальное и уникальное в становлении и развитии представлений о феномене «заботы о себе», связывая эпохи, культуры и континенты.

Предварительные выводы.

Опыт (культура), язык и традиция обуславливают разные представления о социальной озабоченности познающего себя индивида; об исцелении,

врачевании себя и других; о предписанной нормативности заботы индивида о целом при необязательности заботы целого об индивиде; о самокультивировании себя в единстве с окружающим миром; и многие другие. Грубо сформулированные нами, избилующие неизбежными утратами и спрямлениями, восемь этапов развития идеи заботы о себе в Западной Европе и Новом Свете, лишь частично совпадают с намеченной фукольдией последовательностью: анамнесис – эпистрофе – метаноиа – когито (этапы 1, 2, 3, 6 нашей схемы). Это, во-первых. Во-вторых, нет возможности распространить их на историю других регионов – Востока, России, Африки. Культурные традиции этих регионов дают иные представления о заботе о себе, фрагментарно диалогизирующие с западными и лишь частично с ними сопоставимые⁷. Тем не менее, предложенная для обсуждения схема, во-первых, подтверждает, что обнаруженный концепт «заботы о себе» не является плодом воображения Фуко, хотя последний представлял его совсем не так, каким он, по-видимому, был даже в античности; и, во-вторых, показывает относительно непрерывное и преемственное (конечно, не без разрывов и качественных скачков) движение человеческой мысли в понимании заботы людей о самих себе как индивидуальных экзистенциях общего бытия.

Литература

- Августин 2002 – *Августин*. Об обучении оглашаемых // Блаженный Августин. М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 2002. С. 13–151.
- Августин 2000а – *Августин*. О книге бытия // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 2: Теологические трактаты. С. 316–673.
- Августин 2000б – *Августин*. О порядке / пер. Н. Петрова // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 1: Об истинной религии. С. 114–182.
- Безрогов 2016 – *Безрогов В. Г.* Концепция заботы о себе *adversus nationes*: воцерковление Арнобия Афра // Вестник ПСТГУ, серия «Педагогика, психология», том IV:3, 2016. С. 51–60.
- Безрогов 2015 – *Безрогов В. Г.* Обращение и преображение как забота о себе: педагогическая парадигма христианской культуры // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г. В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М. А. Козловой и В. Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. С. 99–111.
- Кардано 2012 – *Джироламо Кардано*. О моей жизни. М.: Высшая школа экономики, 2012. – 344 с.
- Евстратов 2005 – *Евстратов А. Э.* Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы: автореф. дисс. канд. юр. наук. Омск, 2005. 21 с.
- Кон 1984 – *Кон И. С.* В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Пичугина 2015 – *Пичугина В. К.* Культура города как (не) самого себя: забота о себе в античной педагогике // Психолого-педагогический поиск, 2015. №2(34). С. 86–99.

⁷ См., к примеру: Dimensionen der Selbstkultivierung. Beiträge der Forums für Asiatische Philosophie. Hrsg. von Marcus Schmücker und Fabian Heubel. Freiburg-München: Karl Aiber, 2013 (Welten der Philosophie, 7).

- Платон 1986 – *Платон*. Алкивиад I // Диалоги / пер. с древнегреч. С. Я. Штейнман-Тонштейн. М.: Мысль, 1986. С. 175–223
- Плутарх 1994 – *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 2-х т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 702 с.
- Родионовская 2013 – *Родионовская А. О.* Платонизм Петрарки: принцип «заботы о себе» в *Familiars* // Вестник РХГА, 2013. №14:3. С. 239–246.
- Романов 2001 – *Романов И. Ю.* Забота о душе в исторической перспективе // Вторая навигация: альманах 3. М.: Весть-Вимо, 2001. С. 124–154.
- Смирнов 2015 – *Смирнов С. А.* «Забота о себе» в отечественных исследованиях: феномен, концепт, проблематика. Аналитический обзор // Психолого-педагогический поиск, 2015. №4(36). С. 39–65.
- Тульчинский 2010 – *Тульчинский Г. Л.* Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко. Сб. науч. ст. М.: Высш. шк. эк, 2010. – С. 49–63.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-Центр, 1996. 206 с.
- Фуко 2007 – *Фуко М.* Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1981–1982 учеб. г. / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 680 с.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Хархордин 2009 – *Хархордин О. В.* Дружба: классическая теория и современные заботы // Дружба: очерки по теории практик. СПб.: Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2009. С. 11–47.
- Чикалова 2006 – *Чикалова И. Р.* У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики, 2006. Т.4:4. С. 501–524.
- Эпиктет – *Эпиктет*. Энхиридион (краткое руководство к нравственной жизни); Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета. СПб.: «Владимир Даль», 2012. 399 с.
- Dimensionen der Selbstkultivierung. Beiträge der Forums für Asiatische Philosophie. Hrsg. von Marcus Schmücker und Fabian Heubel. Freiburg-München: Karl Aiber, 2013 (Welten der Philosophie, 7). 467 s.
- Morris 2010 – *Morris Colin*. The Discovery of the Individual, 1050–1200. New York, London: Harper and Row, 1972. 188 p.
- Zak 2010 – *Zak Gur*. Petrarch's Humanism and the Care of the Self. Cambridge: CUP, 2010. 179 p.